
«МАМА МОЕТ РАМУ В РИМЕ»: ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО РОДИТЕЛЬСТВА В УКРАИНЕ

А. В. Толстокорова

Работа посвящена изучению украинской транснациональной семьи и трансграничного родительства. Вводятся такие понятия, как «родительский культурный шок», получаемый в результате миграционного опыта, и «обратный родительский и супружеский культурный шок» по возвращении домой. Предлагается концепт «трансфертов гендерного равенства» для обозначения эгалитарных норм и моделей поведения, усваиваемых в процессе миграции. Вывод исследования заключается в том, что трансформация гендерных ролей в транснациональных семьях затрагивает преимущественно матерей, принимающих на себя обязанности кормилиц. Это накладывает на них дополнительные обязанности «псевдоматерей», подвергающихся разнообразным видам эксплуатации, но не ведет к упрочению положения. Изменения гендерных ролей отцов являются временными и не влекут за собой трансформацию института отцовства в Украине.

Ключевые слова: транснациональное родительство, трансграничное материнство, украинская транснациональная семья

Введение

«Мама моет раму, папа читает газету» – эта фраза из школьного букваря считается классическим примером гендерной стереотипизации, благодаря которой в детское сознание закладываются патриархальные установки: дом, семья и обустройство быта являются сферой ответственности женщины, тогда как мужчине отводится в лучшем случае роль помощника, а в худшем – пользователя. Такой традиционализм объясняет то, что даже ведущие украинские социологи считают семью единственным социальным институтом, избежавшим кардинальных постсоветских преобразований [Головаха, Панина, 2006]. Однако украинская семья меняется

[Толстокорова, 2002; Журженко, 2004; Амджадин, 2007] и даже переживает третий демографический поворот [World Bank, 2007], свидетельствующий, что ее трансформации соответствуют европейским трендам эволюции брака и родительства [подробнее см.: Вишне夫斯基, 2011]. Наиболее серьезные из них связаны с изменением положения женщины в обществе. Кроме того, за годы реформ в Украине сформировались новые конфигурации семейных отношений, например **транснациональные семьи**, обусловленные массовым оттоком украинцев на заработки за рубеж в период рыночных преобразований.

Украинская трудовая миграция является масштабным процессом, охватывающим вместе с членами семей мигрантов более трети населения страны. Такая массовость свидетельствует о значимости данного явления для функционирования социальных институтов общества, в первую очередь семьи. Однако в Украине этот процесс еще не стал объектом концептуализации. Недавние государственные отчеты о положении украинской семьи [УЦСР, 2008; Лібанова та ін., 2009], как и предлагаемые ее типологии [Кравченко, 2006; Ничипоренко, 2011], и даже «Энциклопедия семьи и молодежи» [ДІПСМ, 2007] не упоминают транснациональную семью и дистантное родительство как зарождающийся уклад семейных отношений. Изучение данной проблемы осуществляется преимущественно за пределами Украины [Tolstokorova, 2007; Yarova, 2007; Dalgas, 2010]. Интерес к ней появился лишь после презентации на семинаре киевского офиса Международной организации миграции результатов полевого исследования [Tolstokorova, 2010], составившего основу данной статьи.

В то же время современная украинская трудовая миграция, именуемая «заробитчанством» и сопровождающаяся феминизацией потоков трудовой силы, предоставляет идеальный материал для исследования кардинальных изменений, переживаемых украинской семьей в последние десятилетия. Поэтому **актуальной** задачей является изучение таких новейших явлений, как «украинская транснациональная семья» и «трансграничное родительство» с учетом их аксиологического измерения, то есть специфики ценностной системы в целом и в сфере семейно-гендерных отношений в частности. При этом важно рассматривать миграцию как социальный процесс, предполагающий не столько перемещение трудовой силы, сколько сложное взаимодействие человеческих личностей и семейную динамику, обуславливающую передачу практик и норм ухода и заботы и их трансформацию во времени и пространстве [Gherghel, Le Gall, 2005]. При таком подходе мнения и оценки участников миграционного процесса являются «уникальным, и зачастую единственно возможным способом изучения их жизненного опыта, восприятий и идентичностей» [DeRoche, 1996]. Это объясняет **основную цель** статьи, состоящую в изучении гендерного эффекта трудовой миграции на украинскую транснациональную семью с помощью «мягких», интерпретативных методов исследования.

«Транснациональное родительство» понимается здесь как семейное общение на основе привязанностей, заботы и финансовой поддержки, преодолевающее национальные границы [Hondagneu-Sotelo, Avila, 1997], и как явление, порожденное глобальным сетевым сообществом [Lutz, 2004]. Категория «гендер» рассматривается как значимый маркер географических границ и конструируемый аспект различия, играющий важную роль в придании значимости различным формам трансграничного опыта [Schimanski, 2010]. Анализ влияния транснационализма на социальный статус заробитчанок осуществляется через призму теоретического фрейма «усиления позиции женщин», предполагающего, что в результате «эмпауэрмента» женщины получают возможность наравне с мужчинами принимать участие в процессе развития и контролировать факторы производства [March, Smyth, Mukhopadhyay, 1999]. Согласно этому подходу миграция может быть как причиной, так и следствием упрочения положения женщин [Hugo, 2000]. Однако он упускает из виду некоторые специфические аспекты женского трудоустройства, поэтому в данной работе используется понимание «эмпауэрмента» женщин, предложенное Н. Фольбр [Folbre, 2006]. Оно отвечает на два вопроса: 1) как доступ женщин к ресурсам рынка труда влияет на распределение и характер обязанностей по обеспечению нетрудоспособных членов семьи, учитывая, что более высокий заработок женщин влечет дополнительную финансовую ответственность? 2) поскольку общая нагрузка работающих женщин увеличивается за счет «двойного рабочего дня» на производстве и дома, сопровождается ли это пропорциональным уменьшением «нерыночной» работы по дому?

Методология исследования. Работа представляет собой анализ результатов многоэтапного полевого исследования. Включенное и невключенное наблюдение проводилось в форме участия в деятельности объединений соотечественников, работающих в странах Евросоюза. Экспертные интервью охватили 25 специалистов по вопросам миграции, гендерных и женских исследований, социальной политики и социальной работы. В интервью и фокус-группах с мигрантами и членами их семей (27 женщин и 12 мужчин) опрашивались респонденты, имевшие опыт работы за границей в прошлом и нынешние заробитчане. Ряд интервью проводился в телефонном режиме посредством Интернет-программы skype и электронной почты.

«Жди и помни меня»: транснационализм, семья и родительство

В последние десятилетия в изучении процессов миграции сформировалось новое направление, заменившее линейную, биполярную и ассимиляционную модели исследования транснациональной перспективой на основе антропологии, обогащенной идеями постколониальности и постмодернизма [Hondagneu-Sotelo, Avila, 1997]. Определяемая как новый «этикет

постмодерна» [Friedman, 2007], она изучает трансграничные сети и сообщества, рассматривая миграцию как плюрилокальный процесс и уделяя особое внимание способам активного использования современных информационных технологий. При этом мобильность и погружение рассматриваются как взаимодополняющие процессы, поскольку, меняя место проживания, мигранты не просто перемещаются из одного населенного пункта в другой, но перекраивают жизненное пространство и значительно расширяют пределы своей повседневности [Бредникова, Ткач, 2010], создавая новую реальность – «транснациональное социальное пространство» [Pries, 1996]. Этот подход изучает «транс-мигрантов» [Towards a Transnational Perspective... 1992], ведущих «двойную жизнь» [Portes et al., 1999] и поддерживающих разнообразные виды трансграничных отношений.

Хотя транснациональная перспектива призвана обеспечить принципиально новый подход к изучению миграции, при близком рассмотрении оказывается, что идея «транснациональных миграционных циркуляций» [Portes, Bach, 1985], позиционируемая как новый теоретический вклад 1980–1990-х годов, является лишь перенесением идей, связанных с исследованиями внутренних миграций в развивающихся странах, на исследования международных перемещений [Кайзер, Бредникова, 2004]. Тем не менее теория транснационализма до сих пор малоизучена, терминологически не упорядочена и институционально не урегулирована.

Одним из ее центральных понятий является «транснациональная семья», анализируемая с разных позиций: с точки зрения существующих моделей транснациональной заботы и ухода [Baldassar, Baldock, Wilding, 2007], с учетом жизненных циклов и межпоколенных изменений [Gherghel, Le Gall, 2005], в связи с формированием новых транснациональных семейных отношений: материнства, отцовства и детства [Sørnsen, 2005] и возрастающей роли в них бабушек и дедушек [Plaza, 2000; Nesteruk, Marks, 2009]. При всем разнообразии подходов эти работы признают, что транснациональные семьи становятся распространенным явлением, требующим специального изучения. Учитывая, что миграция придает изменениям в семье гендерный характер [Pareñas, 2005], исследование гендерного измерения трансграничного родительства становится актуальной научной задачей.

Гендерные последствия транснационализма для украинских матерей-мигранток и института материнства

«Прежде всего – ты мать»: благополучие детей как выталкивающий фактор и миграционный императив

Полевое исследование показало, что украинские заробитчанки рассматривают трудовую миграцию прежде всего как возможность обеспечить достойный уровень жизни своим детям. Следовательно, именно

материнские обязанности вынуждают женщин оставлять семьи и уезжать на заработки за рубеж, становясь выталкивающим фактором, стимулирующим поиск зарубежного трудоустройства. В то же время они являются «миграционным императивом», дающим силы для преодоления трудностей жизни на чужбине. Одна информантка рассказала о том, как тяжело ей было исполнить требование работодателя питаться только вместе с клиентом и не хранить дома собственные продукты. Однако и она сама, и ее родные в Украине сочли это неудобство «неизбежной эмоциональной платой» за финансовые преимущества, получаемые ее детьми благодаря трудоустройству матери за рубежом:

Когда я пожаловалась об этом по телефону моей маме, она сказала: «Да, доченька, я понимаю, как тебе тяжело. Но ты должна помнить: прежде всего – ты мать. Пока ты там, твоим детям здесь есть что есть, и мне есть чем платить за их учебу. Зажми свою боль в кулаке и терпи! Ради твоих детей...» (Тамара, сиделка в итальянской семье).

Как ни парадоксально, именно стремление сделать все возможное «для блага детей» вынуждает матерей оставлять их, нередко на произвол судьбы, с тяжелыми последствиями для их эмоционального и социального благополучия. Причем заработки матерей не всегда используются «во благо ребенка», а зачастую тратятся на прихоти:

Вы знаете, так обидно, я же каждую копейку берегла, пока там работала, все откладывала, чтобы детям домой отослать. Иногда девчонки наши зовут: «Давай, мол, в кафе сходим, посидим, расслабимся». Где там! Все для детей. А приехала домой, смотрю, сын на занятия в университет – только на такси. Вечером – друзья, бары, пиво... Оказывается, растрепал все деньги, что я высылала, да еще и назанимал. А потом приходит ко мне и говорит: «Мать, дай денег, мне нужно долг отдать, а то у меня будут серьезные неприятности». Пришлось мне выкладывать все, что я там заработала, чтобы вытащить сына (Ольга, уборщица в Москве).

Экспертные интервью показали, что негативный эффект финансовых трансфертов мигрантов состоит в том, что получающие их дети становятся группой социального риска и объектом интереса со стороны криминальных группировок, выкачивающих из них заработки родителей. Для этого молодежь втягивают в азартные игры, употребление алкоголя и наркотиков, воровство, проституцию. Кроме того, для детей мигрантов образование становится вопросом социального престижа, а не приобретения знаний. Поэтому они нередко пренебрегают учебой, бесполезно растрачивая «европейские стипендии», пересылаемые родителями из-за рубежа:

Одна девочка мне сказала: «Вы знаете, в группе, где я учусь, у половины студентов мамы работают в Италии. Поэтому они учатся, не напрягаясь, потому что мамы присылают им деньги, а они только платят за экзамены» (эксперт, сотрудница женской организации).

То есть жертвы матерей-мигранток «во благо детей» не всегда оправданы и могут иметь даже неблагоприятный эффект, формируя у детей потребительское отношение к родителям. Не всегда реализуются и надежды матерей на то, что деньги, вложенные в образование детей, позволят им благополучно устроить судьбу в будущем. Пример стран с длительной историей трудовой миграции показывает, что этот процесс нередко принимает характер традиции, передающейся из поколения в поколение. Опыт транснационального материнства доминиканских женщин, начавших ездить на заработки еще в 1970-е годы, свидетельствует о появлении нового поколения мигрантов из числа их детей, воспитанных бабушками и дедушками и повторяющих опыт своих родителей, вверяя судьбу собственных детей новому поколению бабушек и дедушек из числа бывших мигрантов [Mummert, 2005]. Примером тому служит и миграция в Турцию нескольких поколений домработниц из молдаванок гагаузского происхождения, которые указывали в интервью, что ездили на заработки, чтобы поставить на ноги своих детей, а теперь пришла очередь их дочерей повторить этот опыт, чтобы вырастить уже их внуков [Toksöz, Ulutaş, 2012].

«С глаз долой – из сердца вон!»: разрушенные семейные связи матерей-мигранток

Отъезд женщин на заработки имеет не только географические, но и социокультурные последствия, нередко приводя к «культурному шоку» в результате погружения в чуждую среду обитания и в связи с необходимостью адаптироваться к новому стилю жизни. Неизбежное ослабление семейных связей может вести к эмоциональным травмам, вызванным ощущением покинутости, одиночества и эмоционального отчуждения [LARG, 2005]. Это может усугубляться «родительским культурным шоком», связанным с изменением отношения к матерям со стороны детей. Так, матери нередко вынуждены мириться с тем, что дети забывают их [Dalgas, 2010], формируя более близкие отношения с чужими людьми и опекунами [Mummert, 2005]. Малыши воспринимают отъезд родителей особенно остро, поскольку не понимают финансовых причин, вызвавших расставание. Они считают, что матери их предали, и отказываются поддерживать с ними отношения. Подобная ситуация сложилась в семье одинокой матери Надежды, уехавшей на заработки, чтобы собрать деньги для оплаты учебы в университете ее сына. Десятилетнюю дочь она оставила на попечение своей матери. Однако пожилая женщина не вынесла разлуки с дочерью и вскоре после отъезда Надежды скончалась, оставив девочку без присмотра. Матери пришлось обратиться с просьбой к бывшей коллеге и соседке по дому, чтобы та присмотрела за ее дочерью:

Вы не представляете, чего мне это стоило! Вначале я плакала все ночи напролет. Понимаете, моя девочка присылала мне такие грустные, такие трогательные письма! Однажды она мне написала: «Мамочка! Дорогая! Пожалуйста, возвращайся скорее! Пожалуйста, я очень тебя прошу! Я очень

по тебе скучаю и плачу каждый день, но кому до этого дело? Они ходят по моим слезам!» И в письме был листочек с ее рисунком, он весь был разрисован слезками, а поверху рисунка было ясно видно отпечаток чьей-то ноги. Кто-то наступил на этот листочек <плачет> А что я могла сделать? Я не могла вернуться домой без денег, потому что нужно было заплатить за учебу сына и ... заработать хоть немного на жизнь. Как я могла объяснить это дочке? Она не поняла бы меня. Она мне сказала по телефону, что я ее предала и отказывалась подходить к телефону, когда я звонила соседке, чтобы узнать как дела (Надежда, домработница в Италии и Греции).

Это и другие интервью показывают, что опыт матерей-мигранток может быть психологически травматичным, поскольку многие считают себя «псевдомамочками», не справляющимися со своими материнскими обязанностями [LARG, 2005], и ощущают вину, особенно если от них отказались собственные дети. По возвращении домой женщины сталкиваются с не менее болезненным «обратным родительским и супружеским культурным шоком», вызванным отсутствием взаимопонимания и отчуждением в семье в силу того, что за время отсутствия они претерпели личностные трансформации, в то время как их семьи также менялись, что приводило к трудностям в общении. Некоторые женщины узнавали, что их брак давно распался, а их мужья нашли себе других женщин, о чем заробитчанки даже не подозревали.

Таким образом, транснационализм может скрывать неприглядную семейную реальность, о которой женщины даже не подозревают, продолжая лелеять веру в уже не существующие родственные отношения. Это подтверждает наблюдение, что близость в трансграничных отношениях исчезает, если не подкрепляется моментами физического контакта [Uggu, 2003], исполняющими в семейных отношениях роль «эмоционального клея». Следовательно, хотя «материнство бесценно» [Anderson, 2000], ценной транснационального материнства являются разрушенные родственные отношения в семьях мигранток, что в украинском контексте имеет повсеместный характер:

– Когда моя невестка уезжала на работу за границу, я ей сказала: «Галя, я готова взять на себя воспитание внуков, но только при условии, что мой сын поедет с тобой». Потому что, понимаете, если бы она уехала одна, семья непременно распалась бы. Если муж и жена разлучаются, семья точно распадется. Это 100%.

– И много таких семей?

– Ой, много! Очень много. Да практически все. Как только муж и жена разъезжаются, все – семьи у них больше нет. И у детей семьи больше нет (Нина, мать двух мигрантов в Италии).

Это наблюдение противоречит определению транснациональной семьи как союза, члены которого проживают отдельно друг от друга, но даже на расстоянии поддерживают атмосферу коллективного благосостояния, единства и «семейственности» [Bryceson, Vuorela, 2002]. Среди

украинских трудовых мигрантов следствием транснационализма чаще всего является разрушение семейных уз.

Влияние миграционного опыта на семейные роли и гендерные идентичности транснациональных матерей

Интервью не подтвердили мнение, что трудовая миграция позволяет женщинам «избежать влияния традиционной, патриархальной власти и обрести больше возможностей самостоятельно распоряжаться собственной жизнью» [United Nations, 2004. III], поскольку в украинских семьях опыт транснационализма редко приводит к более эгалитарному гендерному порядку. Возвращаясь домой с заработков, мигрантки вынуждены мириться либо с восстановлением традиционного гендерного контракта, господствовавшего в семейных отношениях до их отъезда, либо с разрушением брачных уз в связи с тем, что они не желают снова приспособляться к патриархальным гендерным моделям, а их мужья не готовы принимать жен в роли кормилиц семейств. Это признавали эксперты:

В селе она очень тяжело работает <...> и вот она уезжает за границу, где она видит совершенно другое отношение к себе. Поэтому она, конечно, не хочет возвращаться в ту ситуацию, в которой она была дома раньше. Понимаете, она начинает иначе к себе относиться. И это одна из причин, почему разрушаются семьи. Потому что она уже не хочет возвращаться в положение, когда от нее ничего не зависит <...>. Потому что, вернувшись домой, она научит свою дочь, что можно жить иначе, что можно иметь другие жизненные стандарты. Она уже не хочет, чтобы к ее дочери относились так же, как к ней относился ее муж (эксперт женской неправительственной организации).

Это интервью подтверждает изменения в сознании украинских сельских женщин, происходящие в форме «тихого бунта» и нежелания мириться со своим положением [Tolstokorova, 2009]. Однако полевое исследование свидетельствует о гендерных изменениях менталитета среди сельских и городских женщин всех возрастов. Причем молодые мигрантки осваивают принципы гендерной эгалитарности быстрее женщин старшего возраста, что сказывается на их брачных стратегиях, проявляющихся в большей избирательности и более высоких требованиях к будущему супругу. Эксперты определили этот процесс как «гендерную революцию» среди украинских женщин. Изменения гендерных стандартов отмечаются даже у женщин, работающих в «традиционалистских» принимающих обществах, например в России. Это объясняется тем, что мигрантки обычно имеют более высокие доходы, чем их оставшиеся дома мужья, что ускоряет трансформацию гендерных отношений, стимулирует распространение современных установок и ценностей, способствует отходу от традиционных укладов, демонстрируя влияние трудовой миграции на модификацию ген-

дерных режимов на постсоветском пространстве [Тюрюканова, Карачурина, Флоринская, 2011].

Из этого следует, что миграция играет важную роль в трансформации гендерной идентичности женщин. Погружение в социальное пространство обществ с более демократичной гендерной культурой, обретение экономической независимости и осознание своей властной позиции в семье приводит к изменению восприятия своей социальной роли и статуса, повышает индивидуальные гендерные стандарты заробитчанок. Это дает основания утверждать, что позитивным эффектом миграционного опыта украинок является аккумуляция «трансфертов гендерного равенства» [Tolstokorova, 2010] как разновидности «трансферта норм» [Lodigiani, Salomone, 2012] и механизма трансформации гендерной идентичности на основе освоения более демократичного гендерного кода принимающих обществ. Однако у себя дома в результате такой гендерной переоценки ценностей женщины оказываются в ситуации конфликта с традиционной гендерной средой, чуждой их новому гендерному дисплею. Это усугубляет обратный культурный шок мигранток по возвращении в привычную среду, ставшую чужой.

Таким образом, в результате миграции женщины сталкиваются с двойной утратой. В лучшем случае они лишаются возможности пользоваться преимуществами «социальных трансфертов» [Levitt, 1998], заработанных благодаря миграции, но сохраняют свой брак. То есть, сохраняя доход семьи с двумя работающими членами, они вынуждены мириться с утратой индивидуального человеческого капитала. В худшем случае им приходится жертвовать браком, а следовательно, ресурсами, доступными благодаря участию супруга в семейном бюджете. То есть они сталкиваются с сокращением социального капитала в результате утраты статуса «замужней женщины» и финансового капитала, необходимого для инвестиций в детей. Более того, матерям приходится мириться с чувством «родительской вины» [Wall, Arnold, 2007], вызванной их стигматизацией не только окружающими, но и собственными детьми, нередко считающими их виновницами распада родительской семьи. По сути дела, женщины вынуждены следовать траектории *«перманентного транснационального материнства»*: чтобы обеспечить своих детей, им приходится снова и снова прибегать к миграции как единственно возможной стратегии выживания, регулярно расставаясь со своими детьми. Таким образом, они оказываются загнанными в порочный круг, заставляющий выбирать из двух зол меньшее. Это подтверждает мнение, что, хотя для женщин миграционный опыт может иметь благотворное влияние и открывать новые возможности для освобождения от традиционных гендерных норм, в то же время он может вести к новым видам зависимости и даже усиливать существующие гендерные барьеры и иерархии [Morokvasic, 2007]. Необходимость ехать на работы загоняет женщин еще глубже в цепь глобальной экономики, что имеет не только экономические, но и социально-культурные последствия

[Basa, Narcourt, Zarro, 2011]. Следовательно, *гендерное сальдо* миграции для женщин оказывается отрицательным, поскольку их *гендерные инвестиции* в транснационализм как кормилиц, исполняющих традиционно мужские роли в дополнение к традиционно женским, не приносят соответствующие *гендерные дивиденды*, а напротив, преломляются в новые формы зависимостей, ведущих к утрате позиций.

Транснационализм, гендер и отцовство: «папы всякие нужны»

Исследования проблем родительства часто фокусируются на роли в семейном воспитании матерей, игнорируя участие в нем отцов. Эта тенденция обусловлена традиционной гендерной идеологией, представляющей матерей как основных воспитательниц в семье, в то время как отцовство позиционируется лишь как дополнительная функция мужчин к основной роли кормильца. Однако «изменение концепции отцовства» [Aldous, 1998] поставило вопрос о роли обоих родителей в воспитательном процессе. Начало культурного сдвига в проблемах отцовства приходится на 1980-е годы и объясняется массовым выходом матерей на рынок труда [Wall, Arnold, 2007]. В Украине внимание к вопросам маскулинности, отцовства и ответственного родительства активизировалось приблизительно с начала 2000-х годов, но по иным причинам, нежели в постиндустриальных странах, поскольку массовое участие украинских женщин в рынке труда началось еще в 1920-е годы. Однако тогда этот процесс еще не привел к появлению новой «культуры отцовства» [LaRossa, 1988].

Повышение интереса к вопросам отцовства в Украине связано с процессом феминизации трудовой миграции, точнее с возрастанием независимой экономической мобильности женщин. Этот вопрос особенно остро стоит в маленьких городках и селах, где высокий уровень безработицы и нищеты вынуждает женщин искать заработок за рубежом. Статистические данные свидетельствуют о том, что большинство заробитчанок имеют семью и детей. Так, из общего числа украинских мигранток в Италии 64,4% состояли в браке, 8,4% – не состояли, 16,4% – были разведены и 10,7% – вдовы [Городецкий, Шегда, 2003]. 90,1% респонденток имели детей, из которых лишь 5,5% проживали с матерями [Жіночі перспективи, 2003]. 44,0% детей на время отсутствия родителей или одного из них проживали с матерью; 35,0% – с бабушкой; 26,0% – с отцом; 14,0% – с сестрой; 12,0% – с братом; 10,0% – с дедушкой; 5,0% – с тётёй или дядей [УІСД, 2006]. Однако в семьях матерей-одинок или в домохозяйствах с двумя родителями-заробитчанами 66% детей оставались под присмотром бабушек и дедушек, в то время как 34% – вообще без присмотра [Жіночі перспективи, 2003]. Это свидетельствует об актуальности проблемы социальной адаптации остающихся дома мужей мигранток и ответственности отцов за своих детей в условиях отсутствия в семье матерей.

Интервью показали, что оставшиеся дома мужья мигранток могут успешно исполнять обязанности социальной репродукции:

Когда я сказала мужу, что хочу ехать на заработки, он ответил, что не возражает, но ждать меня не намерен, и что найдет себе другую женщину. Вообще-то к тому времени наши отношения уже разладились, но все же мы жили одной семьей, как муж и жена. Мне ничего не оставалось, как согласиться на развод. Тогда наш старший сын как раз заканчивал школу, и чтобы дать ему высшее образование нужны были деньги, которых не было. Понимаете, после распада Союза, когда разрушили и промышленность, и армию, у нас в Крыму, особенно в маленьких городках, для мужиков вообще никакой работы не осталось. Если и можно было найти какой-то заработок, то только в сфере обслуживания, работать за копейки. <...> Когда узнала, что есть возможность заработать, я решила, что должна ехать. Понимаете, я не боялась оставлять детей на мужа, потому что знала, что хоть он и не идеальный муж, но хороший отец, и мои мальчишки его любят и слушаются его. И сейчас я знаю, что дети ухожены, и все мои мужики хорошо ладят друг с другом. Так что вот сейчас еду домой и ищу мужу подарок. Хочу отблагодарить его за то, что он хороший отец моим детям (Анастасия, работница сферы обслуживания во Франции).

Однако такие изменения являются временными, по крайней мере на это рассчитывают мужья, надеясь, что по возвращении заробитчанок домой традиционный гендерный контракт будет восстановлен: они смогут снова исполнять роль добытчиков, а жены будут выполнять всю домашнюю работу. Это подтверждают и эксперты:

Как показало исследование, проведенное «Ла Страда-Украина», чаще всего дети остаются не на попечении отцов, а под опекой бабушек, тетей, старших сестер. А у мужчин остается одна проблема – пьянство и безделье.

– У меня есть брат, который воспитывал двух мальчиков подросткового возраста на протяжении двух лет, пока его жена работала в Италии. И это не было для него проблемой. Все было нормально. <...> Но когда она вернулась домой, все вернулось на круги своя. Все, ты теперь дома! Добро пожаловать назад в Украину! (эксперты, сотрудницы женской организации).

Таким образом, влияние женской трудовой миграции на статус украинских отцов является краткосрочным, поскольку мужчины готовы участвовать в «активном отцовстве» [Wall, Arnold, 2007] и исполнять традиционно женские роли лишь условно и временно. Можно утверждать, что отток украинских женщин на работу за рубеж ведет к трансформации «отцовского поведения» [LaRossa, 1988] в отдельных семьях, но не влияет на «культуру отцовства» в обществе в целом. Тем не менее это может иметь более ощутимый эффект в будущем, при условии, что указанные изменения привлекут внимание общества и повлияют на осознание им роли, статуса и ответственности мужчин перед детьми и семьей. Интервью с мужчинами-мигрантами

показывают, что «трансферты гендерного равенства» приобретают и они, видя более уважительное отношение к женщине в принимающих странах:

Я вижу, что здесь отношение к женщине другое, ее ценят больше. Вот и я этому учусь, учусь уважать в своей жене женщину (Роман, владелец кондитерской в Риме).

Выводы

Проведенное исследование показало, что плурилокальные семьи становятся все более распространенными в Украине, свидетельствуя о важности исследования практик транснационального родительства. В то же время оно подтвердило, что транснационализм ложится тяжким бременем на семейные взаимоотношения [LARG, 2005], способствуя эксплуататорской природе разделения труда в домохозяйствах мигрантов [Hondagneu-Sotelo, Messner, 2000]. Изменения гендерных ролей в результате миграционного опыта затрагивают главным образом матерей, принимающих на себя полную ответственность за финансовое и материальное обеспечение своих семей. Это увеличивает объем их семейных обязанностей, но не всегда ведет к упрочению позиций и повышению семейного статуса. При этом работу на чужбине женщины вынуждены сочетать с функциями «дистантных родительниц», оказывающих своим детям трансграничную заботу посредством современных ИТ. Изменения гендерных ролей отцов, вызванные отъездом их жен на заработки, имеют кратковременный характер и не приводят к «модернизации института отцовства» или к существенным изменениям «культуры отцовства» в Украине. Тем не менее эти трансформации могут способствовать прогрессивным изменениям в будущем, если будут осмыслены и творчески использованы обществом на благо семьи и государства.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что *преимущества материнства* для мигранток могут быть иллюзорными, поскольку строятся на не всегда оправдываемой вере в пользу их жертв для благополучия детей. В то же время *бремя материнства* зачастую оказывается слишком тяжким, приводя к эмоциональному выгоранию. За свое отсутствие в семье женщины расплачиваются утратой супружеских и материнских прав, утратой взаимопонимания с детьми и родными. Они подвергаются многочисленным видам эксплуатации и сверхэксплуатации со стороны всех и вся: хозяев, использующих дешевый труд домашних работниц; родных, живущих за счет их заработков; национальной экономики, получающей валютные вливания благодаря финансовым трансфертам из-за рубежа; компаний международной телефонной связи и Интернет-бизнеса, эксплуатирующих интимное семейное пространство матерей-мигранток; финансовых корпораций, имеющих дивиденды на их денежных переводах; транспортной индустрии и почтовых служб, зарабатывающих на визитах

женщин-гастарбайтеров домой, их письмах, посылках и других формах эмоциональных связей с семьей; системой частного высшего образования, где чаще всего обучаются дети матерей-мигранток и куда уходит львиная доля их заработков. Более того, даже *трансферты гендерного равенства*, приобретаемые женщинами за рубежом, могут способствовать сверхэксплуатации, закрепляя их статус транснациональных «псевдоматерей». Наряду с этим мигрантки вступают в противоречие с процессом трансформации гендерных ролей, стимулируемых транснационализмом, поскольку трансграничная забота способствует усилению традиционных гендерных норм [Parreñas, 2005]. Следовательно, как ни парадоксально, транснационализм превращается в механизм закрепления патриархальных гендерных отношений и становится силой, препятствующей прогрессивным гендерным изменениям в трансграничном родительстве.

Очевидно, оздоровление украинского общества невозможно без воссоединения многочисленных транснациональных семей. Однако в настоящее время это представляется маловероятным, поскольку трудовая миграция из Украины приобретает характер постоянной эмиграции, несмотря на желание многих уехавших вернуться домой [Chaloff, Eisenbaum, 2008]. Поэтому украинские родители-заробитчане рискуют остаться в странах миграции навсегда, а украинские мамы будут «мыть рамы» в Риме, а не у себя дома.

Список источников

Амджадин Л. Трансформаційні зміни інституту сім'ї та шлюбних відносин в українському суспільстві: гендерний аналіз // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. 2007. № 3. С. 60–75.

Бредникова О., Ткач О. Дом для номады // Laboratorium. 2010. № 3. С. 72–95.

Вишне夫斯基 А. Семья эволюционирует // Иностранная литература. 2011. № 5. С. 256–264.

Гловаха Е., Панина Н. Основные этапы и тенденции трансформации украинского общества: от перестройки до «оранжевой революции» // Социология: теория, методы, маркетинг. 2006. № 3. С. 32–35.

Городецький О., Шегда Н. Стан сучасної української міграції в Італії: результати соціологічного дослідження // До світла. 2003. № 8 (21–22). С. 13–17.

ДІРСМ. Енциклопедія сім'ї та молоді. Київ. Державний інститут розвитку сім'ї та молоді, 2007 // <http://www.dipsm.org.ua/wiki>

Жіночі перспективи. Причина та наслідки роботи українських жінок в Італії. Доповідь. На правах рукопису. Львів, 2003.

Журженко Т. Старая идеология новой семьи: демографический национализм России и Украины // Семейные узы: модели для сборки; под ред. С. Ушакина. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 268–296.

Кайзер М., Бредникова О. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство; ред.: Т. Ба-

раулина, О. Карпенко. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2004. С. 133–146.

Кравченко Т. Сучасна сім'я в фокусі наукових досліджень // Український соціум. Соціологія, політика, економіка. 2006. № 2 (13). С. 43–48.

Лібанова Е. та ін. Сім'я та сімейні відносини в Україні: сучасний стан та тенденції розвитку. Київ: Основа-принт, 2009.

Ничипоренко С. В. Молодіжна сімейна політика в Україні. Умань: «Сочінський», 2001.

Толстокорова А. Розділ 8. Характеристика гендерних відносин у сфері сімейного життя // Гендерний паритет в умовах розбудови сучасного українського суспільства: Київ: Український інститут соціальних досліджень, 2002. С. 83–93.

Тюрюканова Е. В., Карачурина Л. Б., Флоринская Ю. Ф. Раздел 3. Гендерные и семейные стратегии женской миграции // Женщины-мигранты из стран СНГ в России; под ред. Е. В. Тюрюкановой. М.: Макс Пресс, 2011. С. 34–49.

УІСД. Проблеми дітей трудових мігрантів: аналіз ситуації. Київ: Український інститут соціальних досліджень ім. О. Яременка, 2006.

УЦСР. Шлюб, сім'я та дітородні орієнтації населення України. Київ: Український центр соціальних реформ, 2008.

Aldous J. The Changing Concept of Fatherhood // The Family. Contemporary Perspectives and Changes / ed. by M. Koen. Lueven: Lueven University Press, 1998. P. 3–18.

Anderson B. Doing the Dirty Work? The Global Politics of Domestic Labour. London: Zed Books, 2000.

Basa Ch., Harcourt W., Zarro A. Remittances and Transnational Families in Italy and the Philippines: Breaking the Global Care Chain // Gender & Development. 2011. Vol. 19. № 1. P. 11–22.

Bryceson D., Vuorela U. Transnational Families in the Twenty-first Century // The Transnational Family. New European Frontiers and Global Network / ed. by D. Bryceson, U. Vuorela. Oxford and New York: Berg Publishers Ltd, 2002. P. 3–30.

Chaloff J., Eisenbaum B. International Migration and Ukraine. Council of Europe CDMG. 2008 (Draft).

Dalgas K. Love and Money: Changing Family Ties Among Ukrainian Domestic Workers in Italy. Paper presented at the seminar «Migration and domestic care work», 11.02.2010. University of Copenhagen, Denmark, 2010.

DeRoche C. "I learned things today that I never knew before": Oral History at the Kitchen Table // Oral History Review. 1996. № 26. P. 45–61.

Folbre N. Measuring Care: Gender, Empowerment, and the Care Economy // Journal of Human Development. 2006. Vol. 7. № 2. P. 183–199.

Friedman J. The Anthropology of Global Systems: Modernities, Class and the Contradictions of Globalization. Walnut Creek: Altamira Press, 2007.

Gherghel A, Le Gall J. Transnational Practices of Care. The Azorean Migration in Quebec (Canada), 2005 // <http://www.inter-disciplinary.net/wp-content/uploads/2009/10/Gheghel-paper.pdf>

- Towards a Transnational Perspective on Migration. Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered* / ed. by N. Glick Schiller, L. Basch, C. Blanc-Szanton. New York: Annals of the New York Academy of Sciences, 1992.
- Hondagneu-Sotelo P., Avila E.* "I'm Here, but I'm There": the Meaning of Latina Transnational Motherhood // *Gender and Society*. 1997. № 11. P. 548–571.
- Hondagneu-Sotelo P., Messner M.* Gender Displays and Men's Power: the "New Man" and the Mexican Immigrant Man // *Theorizing Masculinities.* / ed. by Th. Oak, H. Brod, M. Kaufman. California: Sage Publications, 2000. P. 200–218.
- Hugo G.* Migration and Women Empowerment // *Women Empowerment and Democratic Process: Moving Beyond Cairo* / ed. by H. B. Presser, G. Sen. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 287–317.
- LARG.* Transnationalism, Multi-Local Motherhood and Reunification among Latin American Families in Canada. Latin American Research Group, 2005 // <http://www.yorku.ca/cohesion/LARG/html/largindex2.htm>
- LaRossa R.* Fatherhood and Social Change // *Family Relations*. 1988. Vol. 37. № 4. P. 451–457.
- Levitt P.* Social Remittances: Migration Driven Local-Level Forms of Cultural Diffusion // *International Migration Review*. 1998. Vol. 32. № 4. P. 926–948.
- Lind W.S.* Understanding Fourth Generation War. *Military Review*, September – October: 12–16. 2004 // <http://www.antiwar.com/lind/index.php?articleid=1702>
- Lodigiani E., Salomone S.* Migration-induced Transfers of Norms. The Case of Female Political Empowerment. Discussion Paper 2012–1. IRES, 2012.
- March C., Smyth, I., Mukhopadhyay M. *A Guide to Gender Analysis Frameworks*. Oxfam, 1999.
- Morokvasic M.* Migration, Gender, Empowerment // *Gender Orders Unbound. Globalisation, Restructuring and Reciprocity* / ed. by I. Lenz, Ch. Ullrich, B. Fersch. Barbara Budrich Publishers. Opladen; Farmington Hills, 2007. P. 69–97.
- Mummert G.* Transnational Parenting in Mexican Migrants Communities: Redefining Fatherhood, Motherhood and Caregiving. Paper presented at the conference "The Mexican International Family Strengths", Cuernavaca, Mexico, June 1–3, 2005 // www.ciesas.edu.mx/proyectos/mifs2005/.../03/gail_mummert.pdf
- Nesteruk O., Marks L.D.* Grandparents across the Ocean: Eastern European Immigrants' Struggle to Maintain Intergenerational Relationships // *Journal of Comparative Family Studies*. 2009. Vol. 40. № 1. P. 77–95.
- Parreñas R.S.* Long Distance Intimacy: Class, Gender and Intergenerational Relations Between Mothers and Children in Filipino Transnational Families // *Global Networks*. 2005. Vol. 5. № 4. P. 317–336.
- Plaza D.* Transnational Grannies: The Changing Family Responsibilities of Elderly African Caribbean-Born Women Resident in Britain // *Social Indicators Research*. 2000. Vol. 1. № 1. P. 75–105.
- Portes A., Bach R.* *Latin Journey: Cuban and Mexican Immigrants in the United States*. Berkeley: University of California Press, 1985.
- Portes A., Guarnizo L., Landolt P.* The Study of Transnationalism: Pitfalls and Promise of an Emergent Research Field // *Ethnic and Racial Studies*. 1999. Vol. 22. № 2. P. 217–237.

- Pries L.* Transnationale Soziale Raume. Theoretisch-empirische Skizze am Beispiel Mexiko-USA // Zeitschrift für Soziologie. 1996. № 25. S. 456–472.
- Schimanski J.* Reading Gender in Border-Crossing Narratives // Gendering Border Studies. / ed. by J. Aaron, H. Altink, C. Weedon. Cardiff: University of Wales Press, 2010. P. 105–126.
- Sørensen N. N.* Transnational Family Life across the Atlantic: The Experience of Colombian and Dominican Migrants in Europe. Paper for the International Conference "Migration and Domestic Work in a Global Perspective", Wassenaar, The Netherlands, May 26–29, 2005.
- TNI.* State of Corporate Power 2012: Exposing the Davos Class. Transnational Institute, 2012.
- Toksöz G., Ulutaş Ç. Ü.* Is Migration Feminized? A Gender- and Ethnicity-Based Review of the Literature on Irregular Migration to Turkey // Turkey, Migration and the EU: Potentials, Challenges and Opportunities / ed. by S. P. Elitok, Th. Straubhaar. HWWI Publications, 2012. P. 85–111.
- Tolstokorova A.* Effect of External Labour Migration on Ukrainian Family: "Poisoned Gift" or "Dream Realized"? Paper presented at the European summer school "Migration Flows, Sustainable Development and Neighborhood Policy in the New EU Countries", University of Genoa-DISEFIN, Rapallo (Genoa), May 29 – June 3, 2007.
- Tolstokorova A.* Multiple Marginalities: Gender dimension of rural poverty, unemployment and labour migration in Ukraine. Paper presented at the FAO-IFAD-ILO experts workshop "Gaps, trends and current research in gender dimensions of agricultural and rural employment: differentiated pathways out of poverty". Rome, 31.03–2.04.2009.
- Tolstokorova A.* Where Have All the Mothers Gone? The Gendered Effect of Labour Migration and Transnationalism on the Institution of Parenthood in Ukraine // The Anthropology of East Europe Review (AEER). 2010. Vol. 28. № 1. P. 184–214.
- United Nations.* World Survey on the Role of Women in Development. Women and International Migration. New York, 2006. P. III.
- Urry J.* Social Networks, Travel and Talk // British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54. № 2. P. 155–175.
- Wall G, Arnold S.* How Involved Is Involved Fathering?: An Exploration of the Contemporary Culture of Fatherhood // Gender in Society. 2007. Vol. 21. P. 508–527.
- World Bank.* From Red to Gray: the "Third Transition" of Aging Populations in Eastern Europe and Former Soviet Union, 2007.
- Yarova O.* The Migration of Ukrainian Women to Italy and the Impact on their Family in Ukraine. Paper presented at "Changing Europe Summer School II. Crises and Conflicts in Eastern European States and Societies: Stumbling Blocks or Stepping Stones for Democratization?" Warsaw, 2–8 September, 2007.

Толстокова Алиса Валерьевна

кандидат филологических наук, руководитель экспертной группы
Международной организации «Школа равных возможностей»

электронная почта: talissa@ukr.net